
ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 130.123:316.454.4

ЗНАНИЕ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

А. И. ЛЕВКО¹⁾

¹⁾Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлен анализ существующих теоретико-методологических парадигм, научных дисциплин и концепций исторического и современного исследования знания как важнейшего социально-культурного фактора консолидации и развития общества. Показана зависимость существующих форм обретения знаний, включая образование, от соотношения знаний с информацией, потребностями человека и культурой общества. Обосновывается необходимость социологического диагноза времени как эффективного способа разрешения существующих проблем и основного условия построения адекватных научных систем и моделей образования.

Ключевые слова: знания; информация; культура; сознание; рациональность; антропология знания; социология знания; праксиология знания; типология наук; я-концепция.

Образец цитирования:

Левко А. И. Знание как фактор консолидации и развития общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 21–29.

For citation:

Levko A. I. Knowledge as a factor of consolidation and development of society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 21–29 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Игнатьевич Левко – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Anatolii I. Levko, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.
institute@philosophy.by

KNOWLEDGE AS A FACTOR OF CONSOLIDATION AND DEVELOPMENT OF SOCIETY

A. I. LEVKO^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article presents the analysis of the existing theoretical-methodological paradigms, scientific disciplines and concepts of historical and modern research of knowledge as an important social-cultural factor of consolidation and development of society. It shows the dependence of the existing forms of gaining knowledge, including education, on the correlation of knowledge with information, human needs and culture of society. There is substantiated the need of the sociological diagnosis of time as an effective way to solve the existing problems and the main condition of building adequate scientific systems and models of education.

Key words: knowledge; information; culture; consciousness; rationality; anthropology of knowledge; sociology of knowledge; praxeology of knowledge; typology of sciences; I-concept.

Знания как информация, имеющая общественное значение и личностный смысл деятельности и поведения. Что представляют собой знания и чем они отличаются от информации и рациональных конструктивных способностей сознания? Исчерпываются ли эти конструктивные способности рациональным мышлением и эмоционально-чувственным восприятием мира или они есть некий результат жизневоззрения, существующего наряду с философским мировоззрением в виде неосознаваемых установок, социального менталитета и других жизненных ориентиров? Различных концепций, посвященных ответу на этот вопрос, так много и они столь неоднозначны и противоречивы, что с известной долей условности их можно классифицировать на ряд самостоятельных наук о знании, к числу которых следует отнести антропологию знания, социологию знания и праксиологию, или прагматику, знания. Предметом исследования *антропологии знания* выступают человек и его культура. Истоки такого понимания природы знания восходят к зарождению принципа познания «Человек – мера всех вещей» древнегреческого философа Протагора и проявляют себя в многочисленных теориях человекообразного развития. Предмет исследования *социологии знания* – общество (социальные общности и группы) и характерные для него культуры и образ жизни. Основным вопросом социологии знания является вопрос: «Как различные формы мышления и знания в том или ином социокультурном контексте детерминируются образом жизни людей, каковы социальные корни их познания и мышления? В этом сложном комплексе проблем можно выделить два основных направления: в одном из них предметом изучения оказывается специализированное (прежде всего научное), в другом – обыденное знание» [1, с. 4–5].

С одной стороны, предметом исследования *праксиологии*, или *прагматики*, знания выступают экономические и другие потребности и способы их удовлетворения в ходе различных видов деятель-

ности. Основоположником данной науки по праву считается профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке Джон Дьюи, который природу знания связывал исключительно с активностью человека в процессе интеллектуального развития.

С другой стороны, сам человек, социальная общность и ее типология по видам производственной и другой деятельности являются предметом исследования *естествознания*, или наук о природе, *гуманитарных наук* о человеке и *технических наук*. Каждый из этих типов наук, в свою очередь, включает в себя отдельные научные дисциплины и дисциплинарное знание, дифференциация которого продолжается и сегодня, как и тенденция к росту междисциплинарных исследований. Предметная дифференциация знания служит основой существующей классно-урочной или аудиторно-лекционной и в целом институциональной (организационной) формы образования как способа передачи и производства нового знания.

Знание как продукт определенного типа общества и его культуры. Такая форма существования знания, по мнению бывшего президента Всемирной социологической ассоциации, американского социолога Иммануила Валлерстайна, есть результат развития рыночных отношений. Она вовсе не характеризует саму природу знания, которое является, по его мнению, лишь одной из важнейших характеристик культуры человечества, имеющей непрерывный и целостный миросистемный характер, поскольку ни один из видов знания не замыкается в национальных, региональных и других системах, хотя и имеет ту или иную их духовную специфику. И эта специфика выступает важнейшим признаком знания, отличающим его от информации. «Миросистемный анализ, – считает он, – начинается с вопроса, «что является подходящей единицей анализа социальной реальности? Даваемый ею ответ состоит в том, что такой единицей является историческая система, существование и границы которой в долгосрочном плане определяются

разделением труда в ней, и что такое разделение труда на больших пространствах имеет тенденцию наблюдаться в двух основных разновидностях: как миры-экономики и как миры-империи» [2, с. 13].

Вместе с преобразованиями в привычном «мире капитализма», по мнению социолога, должен измениться и «мир знаний» об обществе, и, в частности, существующая о нем рациональность. Она с неизбежностью должна конструктивно объединить знание, мораль и политику. «Дело, – считает И. Валлерстайн, – не только в том, что интеллектуалы превратили политику в рациональность, но и в том что, утверждая таким образом достоинства рациональности, они выражали свой оптимизм и подпитывали оптимизм в других. Согласно их кредо по мере приближения к правильному пониманию реального мира формируются условия для лучшего управления реальным обществом, а следовательно, для более полного раскрытия человеческого потенциала. Общественные науки как способ упорядочения знаний не только основывались на этой вере, но и полагали себя наилучшим методом осуществления рациональных исканий» [3, с. 187].

В ходе этих исканий утверждалось, что общество, каким бы несовершенным оно ни было, можно сделать лучше, причем лучше для каждого. Вера в возможность улучшения общества служила краеугольным камнем эпохи модернити. При этом, что следует подчеркнуть, не утверждалось, будто люди непременно станут более нравственными. Любые обещания должны выполняться здесь и сейчас или по меньшей мере в ближайшем будущем. Ориентиры этого мира были однозначно материалистичны, поскольку обещался экономический прогресс – в конечном счете опять-таки для каждого. Его перспективы в нематериальной сфере, воплощенные в понятии свободы, в итоге также могли быть сведены к материальным выгодам, а те из предполагаемых свобод, которые к ним не сводились, обычно отвергались как ложные. В конечном счете это привело к либерализации экономики, бюрократизации государственной системы управления и фактическому снижению самостоятельности личности, ее роли и значимости в общественной жизни. Самостоятельность и состоятельность джентльменов, основывавшаяся на цельности личности, на доверии, чести и чувстве гражданского долга, постепенно вытесняются инструментальными ценностями, а также инструментальными функциями ученых, которые уже не в состоянии руководствоваться своей собственной я-концепцией, создавая на ее основе научные школы, и сами по себе ничего не определяют. Они оказываются в полной зависимости от существующих социальных институтов и форм власти. По мнению И. Валлерстайна, философы и обществоведы этой эпохи столь убежденно рассуждают о центральной роли индивида в со-

временном мире, что мы теряем из виду, в какой степени этот мир сформировал первую в истории поистине коллективистскую геокультуру, первое в истории эгалитаристское мировосприятие.

И если мы хотим постичь сегодняшние дилеммы нашей исторической системы – капиталистического мирохозяйства – и разобраться, почему концепция рациональности уже не наполняет нас прежним энтузиазмом, нам следует начать с осознания той степени, в какой эпоха модернити основывалась на материалистических и коллективистских посылах. В силу ее глубокой внутренней противоречивости сделать это непросто. В современной миросистеме технологический прогресс приносил очевидные выгоды, определявшие отношение к нему не только предпринимателей, имевших вполне понятные причины поощрять изобретателей и новаторов, но и политических лидеров. «Из этого, – пишет Валлерстайн, – я делаю четкий вывод: именно капитализм стал основой технологического развития, а не наоборот. Это очень важно, поскольку именно здесь лежит ключ к пониманию властных отношений. Современная наука представляет собой порождение капитализма и зависима от него» [3, с. 191].

Знание имеет не только инструментальную, но и социальную функцию. Оно социально по самой своей природе и во многом определяется самостоятельностью самой личности, ее профессионализмом и компетенцией.

Диалектика информации и знания в современной интерпретации классической рациональности. Иное дело, что такое утверждение не является общепризнанным. Отдельные исследователи и сегодня между информацией и знанием ставят знак равенства, представляя их как результат отражения и побудительных мотивов целенаправленной деятельности и активности. При этом само представление о сути информации и знания существенно различается в философии, биологии, математике, кибернетике, физике и технических системах связи. И из всего многообразия этих представлений приоритет чаще всего отдается кибернетической трактовке информации как обозначению содержания, полученного нами из внешнего мира в процессе приспособления к нему нас и наших чувств. Считается, что между информацией и знанием существует неразрывная взаимосвязь и взаимообусловленность. Информация благодаря человеческой памяти, мышлению и воображению может быть преобразована в знание, а знание, перенесенное на материальный носитель в виде сообщения (текста, чертежей, рисунка и т. д.) для других, может стать информацией [4]. Различие между информацией и знанием усматривается в том, что информация представляет собой сведения, поступающие в мозг человека об исследуемом объекте

(явлении), которые в процессе мышления адаптируются к имеющимся в памяти знаниям, в то время как сами «знания – это система понятий в форме образов, методов, идей, теорий, гипотез, концепций и т. п., усвоенная человеком в процессе мышления и закреплённая в памяти в процессе его жизнедеятельности и обучения и реализуемая при решении теоретических проблем и практических задач» [4, с. 47].

Получение нового знания, по убеждению сторонников методологии классической рациональности, всегда связано с мышлением как психическим процессом отражения действительности, опосредованным языком, с вовлечением памяти как отражённого прошлого опыта, в результате чего поступающие сигналы декодируются и отражаемые объекты и явления представляются в форме символов, образов, моделей, связей и отношений. Процесс познания предстаёт здесь как целенаправленный процесс или целерациональное действие, мотивированное потребностями и интересами человека и управляемое его знаниями. Данный процесс абстрагируется от связанных с ним проблем культуры, поэтому сама по себе постановка вопроса о соотношении знания и конструктивных способностей мышления, мировоззрения (и т. п.) при такой методологической позиции представляется излишней, а ответ на этот вопрос очевидным или же являющимся компетенцией различных наук, имеющих свой предмет исследования и свой угол зрения.

Между тем любая информация, выраженная в битах, баллах или других количественных измерителях, становится для нас знанием, лишь обретая определённый смысл, доступный пониманию людей соответствующей культуры. Именно поэтому наскальные рисунки древних людей или орнаменты на гробницах египетских фараонов, расшифровать значение которых мы не в состоянии, *обогащают информацию о мире, но не наши знания о нём.*

Вопрос о социально-культурной природе знаний как требование ответа на вызов времени. Вопрос о социально-культурной природе знаний возникает с периодической регулярностью по мере изменения философского мировоззрения о существующей реальности. Он по-разному ставился в период перехода от иррационального искусства мифотворчества к логическому рационализму и от него к метафизике древнегреческой философии, в период средневековой схоластики и метафизики, в эпоху Возрождения и зарождения позитивного знания, основанного на методах индукции и дедукции. На рубеже XX–XXI вв. он предстаёт, как вопрос метафизики нашего времени и требует его постоянного социологического диагноза. Он возник лишь тогда, когда для мировой общественности уже было очевидным, что знания – это

не только информация, измеряемая в битах, но и культурный феномен, имеющий ценностно-нормативную основу развития и консолидации общества. Неочевидным, а порой и невероятным, является само возникновение современных знаний в разобщённом социально-культурном пространстве предметного и междисциплинарного анализа. Иными словами, вопрос о социально-культурной природе знания связан с очередной переоценкой ценностей: естественно-научных, гуманитарных, религиозных, повседневных и т. д. До тех пор пока знание трактовалось лишь как проверенный общественно-исторической практикой и удостоверяемый логикой результат процесса познания действительности, адекватное её отражение в сознании человека в виде представлений, суждений, понятий, теорий или как своеобразный алгоритм действия, такой вопрос и не возникал. Он стал неизбежным вследствие появления сомнения в том, что нам необходимо лишь алгоритмическое мышление, образование и основанные на нём знания в виде информации. Эту информацию достаточно было лишь загрузить в память в готовом виде, совершенно не обращая внимания на процесс индивидуальной мыслительной деятельности в ходе обучения и не беспокоясь о развитии способности к её осуществлению. Их заменяли усреднённые показатели, ориентированные на класс или студенческую аудиторию, достижение которых осуществлялось с помощью соответствующих педагогических технологий.

В таких условиях трудно рассчитывать на то, что способность к мыслительной деятельности будет формироваться в виде своеобразной жизненной позиции и профессиональной культуры выпускника учебного заведения, имеющего свою собственную исследовательскую я-концепцию и профессиональную компетентность, формируемую в процессе внутригрупповой коммуникации соответствующего профессионального сообщества. С помощью массовой педагогической технологии, напоминающей производственную, ни то, ни другое сформировать невозможно. Эту способность каждому индивиду надлежит вырабатывать самостоятельно в ходе игровой, трудовой, общественно-политической и других контролируемых и направляемых видов деятельности.

Эти сомнения и предположения появились в процессе постоянного противопоставления истинного философского и научного знания здравому смыслу, вырастающему из самой повседневной реальности, когда стало очевидным, что основной задачей современной философии и гуманитарной науки является не только отражение существующей социальной реальности, но и конструирование её. А это, в свою очередь, позволило говорить об экономике знаний несколько в ином аспекте.

Ценностно-нормативное содержание современной трактовки знания. Согласно современной трактовке знания обладают не только различной степенью достоверности, отражая диалектику абсолютной и относительной истины, но и соответствующим ценностно-нормативным содержанием, проявляемым в виде некой виртуальной, идеальной или потенциальной реальности или способности к инновационным изменениям и преобразованиям. По своему генезису и способу функционирования знания являются историческим социально-культурным феноменом мыслительности, проявляемым не только в логике суждений и умозаключений, но и в интеллектуальных способностях к рефлексивному мышлению, а также в своеобразном жизнетворчестве, вырастающем из игровой деятельности, общей и для людей, и для животных. Оно фиксируется как в форме знаков, естественных и искусственных языков, так и в форме определенной социальной энергии, энтузиазма, национального, поселенческого, половозрастного и иного менталитета. В силу этого знания выступают одновременно как в виде некой абсолютной идеи или результатов процесса познания действительности на протяжении всей истории развития определенных профессиональных и социальных сообществ, так и в качестве формы самореализации индивидуальных потребностей и способностей и даже как продукт определенной социальной общности или социальной реальности. Эта реальность в данном случае измеряется соответствующим социальным временем и пространством жизнедеятельности индивида в социальной группе или группах, сообществах. «То, что “реально” для тибетского монаха, не может быть “реальным” для американского бизнесмена. “Знание” преступника отличается от “знания” криминалиста. Отсюда следует, что для особых социальных контекстов характерны специфические агломераты “реальности” и “знания”, а изучение их взаимосвязей – предмет соответствующего социологического анализа. Так что потребность в “социологии знания” возникает, как только становятся заметными различия между обществами в понимании того, какое знание считается в них само собой разумеющимся» [5, с. 12].

Реальность рассматривается социологией знания как качество, присущее феноменам иметь бытие, независимое от нашей воли и желания. Мы не можем «от них отделаться», а знание, как считают бывший директор Бостонского института изучения экономической культуры США П. Бергер и его немецкий коллега Т. Лукман, можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками. «Социологическое понимание “реальности” и “знания” находится где-то посередине между пониманием их рядовым человеком и философом.

Рядовой человек обычно не затрудняет себя вопросами, что для него “реально” и что он “знает”, до тех пор, пока не сталкивается с проблемой того или иного рода. Он считает свою “реальность” и свое “знание” само собой разумеющимися. Социолог же не может сделать этого, хотя бы только вследствие понимания того факта, что рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися совершенно разные “реальности”. Благодаря самой логике своей дисциплины социолог вынужден спрашивать – если не что-то еще – нельзя ли объяснить разницу между двумя “реальностями” огромными различиями этих двух обществ» [5, с. 11].

Знание как содержание памяти, мышления и воображения построенное по типу технологической идеи. Однако социология знания на постсоветском пространстве не получила сколь-нибудь заметного развития, что не могло не сказаться и на самом понимании этого социально-культурного феномена. Знание и сегодня отдельные философы и социологи рассматривают как содержание памяти, мышления и воображения, построенное по типу технологической идеи: его, по их мнению, можно претворять в вещь, процесс, прибор, т. е. бесконечное число раз воспроизвести в форме объекта с помощью цифровых и иных технологий. Именно с таким типом знания первоначально и связывалась экономика знаний. В этом плане знание всегда рецептурно: указывает возможные способы действия с объектами, описывает эти действия, имеет вид рецепта поведения человека и его обращения с миром известных вещей. Такое знание не составляет труда стандартизировать и его необходимо планировать как на государственном и межгосударственном уровнях, так и на уровне отдельных вузов и школ. Неотъемлемым качеством таких знаний является их осознанность, осмысленность, насыщенность конкретным содержанием, четким представлением и пониманием изучаемых предметов явлений и закономерностей, умение не только назвать и описать, но, где надо, и объяснить изучаемые факты, указать их взаимосвязь и отношения, обосновать усваиваемые положения, сделать выводы из них.

В традиционном понимании знания предстают перед нами в виде чувственного или абстрактного теоретического образа, а не как некая интеллектуальная способность сама по себе или жизнетворчество. Иными словами, знание в данном случае рассматривается как выражение отражательных свойств мозга и всей нервной системы человека, лежащее в основе его сознания. Сознание же – высший уровень психической активности человека как социального существа. Своеобразие этой активности заключается в том, что отражение реальности в форме чувственных и умственных образований предвосхищает практические действия человека,

придавая им целенаправленный характер. В качестве таких чувственных и умственных образований предстают прежде всего исторически сформировавшиеся знания и мировоззрение.

Основными условиями обретения знания выступают наличие информации, имеющей определенное социальное значение для конкретного исторического общества, и личностный смысл для самого познающего, а также способы передачи информации в виде соответствующей социальной коммуникации, интернета и других технических средств. Социальная коммуникация при этом может осуществляться в виде вербального и другого взаимодействия, а также активности самих познающих в соответствии с законами логики и интеллектуального развития отдельных индивидов. Для обеспечения этих условий предполагается соответствующая организационная форма в качестве государственных стандартов образования и учебных планов и программ, классно-урочная или другая система обучения и воспитания. Это может быть монолог учителя или лектора как основной источник информации, которую надлежит записать и запомнить, диалог с классом или студенческой аудиторией в форме обмена информацией или некая системная мыследеятельность, ориентированная на выработку соответствующих умений и навыков логического мышления, интеллектуальной коммуникации друг с другом, игровой, трудовой и другой деятельности.

Традиционно знание разделяется на естественнонаучное и гуманитарное. Естествознание ориентировано на постижение объективных закономерностей или законов детерминации. Гуманитарное знание направлено на познание самого человека и создаваемой им культуры. При этом природа и культура чаще всего рассматриваются как совершенно различные и фактически не пересекающиеся друг с другом социальные сущности и социокультурные реальности, хотя в действительности человек одновременно принадлежит двум реальностям: природной и культурной, и эти реальности существенно отличаются друг от друга. Его знания о действительности носят многоуровневый и сложно опосредованный характер. Они развиваются как в истории человеческой культуры, так и в процессе индивидуального развития личности. Знания могут быть донаучными, житейскими, художественными (как специфический способ эстетического освоения действительности) и научными (эмпирические и теоретические). Житейские знания, основывающиеся на здравом смысле и обыденном сознании, – важная ориентировочная основа повседневного поведения человека. Эта форма знания развивается и обогащается по мере прогресса научного знания. Научное знание, будучи обобщением достоверных фактов, за случайным нахо-

дит необходимое и закономерное, за единичным и частным – общее. На этой основе осуществляется прогнозирование. Мышление человека постепенно движется от незнания к знанию, от поверхностного к все более глубокому, существенному и всестороннему. И это движение имеет как стихийный, спонтанный, так и целенаправленный или целерациональный характер, основанный на специально создаваемых системах обретения знаний.

Общество и его роль в конструировании систем обретения элитарного и массового знания. Центральным вопросом в конструировании систем обретения знаний является роль общества в виде государственных моделей образования, политики образования, социальных традиций и исторической преемственности в виде исторической памяти, соответствующих культурных кодов и т. п., а также роль свободы и самостоятельности самого индивида, его врожденных способностей, талантов и интеллектуальной активности. В зависимости от ответа на него выделяются по меньшей мере три основные парадигмы, позволяющие как-то классифицировать многочисленные разрозненные теории знания – антропоцентрические, социоцентрические и социально-культурные. *Антропоцентрическая парадигма знания* рассматривает его как выражение жизнетворчества и свободы самореализации индивида. *Социоцентрическая парадигма знания* ориентирована на формы социального взаимодействия извне, влияние социальной среды и социальной политики государства. *Социокультурная парадигма знания* в качестве своей сверхзадачи имеет стремление представить социально-историческую преемственность и свободу личностной самореализации как единый социально-культурный процесс. В качестве основной проблемы знания при таком подходе выступают сознательные и бессознательные его компоненты и, в частности, понимание роли коллективного бессознательного в выработке личностной ориентации и форм ее самостоятельности. Ведь культура проявляет себя не только на уровне осознания индивидом своего социального бытия, но и на уровне индивидуального самосознания и в силу этого не противостоит индивидуальной рациональной этике или жизневоззрению индивида, а жизневоззрение – его мировоззрению, как полагал в свое время лауреат нобелевской премии А. Швейцер [6]. Антропоцентрическая концепция жизнеутверждающей этики А. Швейцера и социокультурная концепция мирсистемного анализа И. Валлерстайна – лишь наиболее яркие, не совпадающие друг с другом и принципиально расходящиеся в самой своей методологической основе концептуальные представления о иррациональной природе знания. И таких концепций начиная от социальной логики Г. Тарда, социологии знания К. Манхейма, теории

коллективного бессознательного К. Юнга и психоанализа в целом насчитывается с десяток. Все они в лучшем случае служат источником информации, но не методологией образования и методикой организации учебно-воспитательного процесса, в которых до сих пор господствует психолого-педагогическая наука.

Означает ли это, что сознание формируется вне контекста материальной и духовной культуры, отражая лишь некие психологические образы и интересы социальных групп и классов? Безусловно, нет. При ответе на этот вопрос, в современной западной философии в трактовке сознания можно выделить ряд направлений: описывающих тождественность сознания жизненной реальности («философия жизни», концепция жизненного разума); выделяющих дорефлексивный уровень сознания и описывающих последний в его сущностной «чистоте» (феноменология), фиксирующих жизнь сознания на феноменально-телесном уровне; выявляющих детерминации сознания через языковые и другие структуры бессознательного порядка (психоанализ).

Конфликт общества и личности как конфликт социальной рациональности и индивидуальной самостоятельности и предприимчивости. Наиболее отчетливо антропоцентрическая парадигма знания представлена в концепции соотношения культуры и этики А. Швейцера, который хорошо осознавал, что уже марксизм снимает противопоставление этики социальной и этики индивидуальной, но не считал достаточным основанием для принятия социальной культуры в качестве главного фактора формирования и развития знания. Социальная культура, по его мнению, противостоит индивидуальной этической культуре в виде индивидуальной ответственности, я-концепции, собственного выбора и свободы самореализации. Она проявляет себя лишь как рациональные проекты реформирования общества, политические стратегии, национальные идеи и т. д., превращающие индивидов в граждан, членов корпорации, нацию, народ или толпу. Этот процесс он, как и в свое время Ф. Ницше, связывает с инстинктом жизни, волей к жизни, проявляемой в виде свободы интеллектуальной самореализации, и оптимизмом действия или практикой жизнедеятельности, наиболее непосредственным и наиболее глубоким проявлением которых является благоговение перед жизнью. Именно поэтому этическое знание, по убеждению А. Швейцера, таит в себе высшую правду и высшую целесообразность. Эту целесообразность, по его мнению, современная философия не в состоянии даже обосновать, не то что познать, так как она занималась до сих пор всем, только не культурой. Она, невзирая ни на что, продолжала тратить усилия на выработку теоретического всеобъемлющего миро-

воззрения в уверенности, что оно поможет решить все проблемы. Все проблемы знания она традиционно сводила к просвещению и рационализму.

«Просвещение и рационализм, – по мнению А. Швейцера, – выдвинули основанные на разуме этические идеалы, касающиеся эволюции индивида к подлинному человечеству... Создалась даже некая видимость окончательного триумфа культуры и неуклонного ее процветания. Однако в середине XIX в. эти столкновения основанных на разуме этических идеалов с действительностью постепенно пошли на убыль. В последующие десятилетия они продолжали все более и более затухать. Без борьбы и без шума культура постепенно пришла в упадок» [6, с. 34].

Традиционная философия, утверждал А. Швейцер, не задумывалась над тем, что это мировоззрение, зиждущееся только на истории и естественных науках и, соответственно, лишенное таких качеств, как оптимизм и этичность, даже в законченном виде будет оставаться ненужным «мировоззрением», которое никогда не сможет породить энергию, необходимую для обоснования и поддержания идеалов культуры. При этом в духе Ж. Ж. Руссо и его концепции свободного воспитания, З. Фрейда и его психоанализа А. Швейцер представляет социальную культуру и общество как основное, искусственно созданное препятствие на пути к реализации природных задатков человека и его естественных прав на свободу творческой самореализации и реальную возможность высвобождения психической энергии.

В самых общих чертах развитие культуры, по мнению А. Швейцера, состоит в том, что разумные идеалы, призванные содействовать прогрессу человечества, воспринимаются индивидами и, полемизируя с действительностью, принимают при этом такую форму, которая способствует наиболее эффективному и целесообразному воздействию их на условия жизни людей. Следовательно, способность человека быть носителем культуры, т. е. понимать ее и действовать во имя нее, зависит от того, в какой мере он является одновременно мыслящим и свободным существом. Но быть таковым в условиях господства запретительных и регулятивных норм культуры и существующего права он не может, поскольку с рождения его жизненная энергия гасится многочисленными социальными институтами, якобы призванными стимулировать духовную жизнь. На самом же деле в таких условиях самостоятельно думать ему не приходится. За него это делают другие – родители, учителя, различные бюрократические структуры и отдельные их представители.

В сколь скрытой степени бездумье стало для человека второй натурой, по мнению А. Швейцера, видно хотя бы из характера его обычных общений с окружающими людьми. Ведя разговор с себе по-

добными, он следит за тем, чтобы придерживаться общих замечаний и не превращать беседу в действительный обмен мыслями. Он не имеет больше ничего своего и даже испытывает в некотором роде страх, что от него может потребоваться это свое. В других и самом себе мы ищем лишь применения труженика и согласны почти ничем быть сверх того.

С точки зрения несвободного существования и разобщенности, по мнению А. Швейцера, наиболее неблагоприятно сложились условия жизни населения больших городов. Соответственно, они более подвержены угрозе духовной деградации. Ныне, во всяком случае, считает он, положение вещей таково, что подлинную культуру, и в первую очередь экологическую, необходимо спасать от духа потребления, исходящего от больших городов и его жителей. Подлинность культуры, по его мнению, определяется некими глобальными, общими для всего человеческого рода духовными способностями благоговения перед жизнью и восприятия человека как ценности, несовместимой ни с национальной идеей, ни с замкнутым образом жизни и одиночеством городского жителя, благодаря чему нормальные отношения человека к человеку, характеризующиеся эмпатией, сочувствием и любовью друг к другу стали затруднительным делом. Сами обстоятельства нашего бытия, утверждал А. Швейцер, не позволяют нам относиться друг к другу, как к человеку. Исчезают присущие человеку уникальность и неповторимость, его творческие возможности преобразования мира. Навязанные нам ограничения в деятельности, несвойственные человеческой природе, носят, по его мнению, настолько универсальный и систематический характер, что мы привыкли к ним и уже больше не воспринимаем наше безликое поведение как нечто противоестественное. Мы уже не страдаем от того, что в таких-то и таких-то ситуациях не можем больше проявлять подлинное человеческое участие к своим близким и в конечном счете деградируем вплоть до отречения от истинно человеческих отношений, где они возможны и нужны.

«Мы живем, – утверждает А. Швейцер, – в атмосфере оптимизма, уверенности в том, что существующие в мире противоречия сами по себе разрешатся в духе целесообразного прогресса...» [6, с. 64]. Само наше существование определяется исключительно сферой государственного регулирования и волевыми решениями чиновников бюрократического аппарата, дозирующих свободу граждан различными правовыми актами. К началу XX в., считает он, сформировалось убеждение в том, что основным способом реализации интересов граждан является национальное государство как естественный и человеческий организм, который лучше всего способен осуществлять идеалы куль-

турного государства. С этого времени, считает философ, *национальное чувство становится под опеку разума, нравственности и культуры*. Национальная идея поднимается до уровня командного культурного идеала. Она постепенно вытесняет все остальные культурные идеалы и из сферы теоретической переходит в сферу реальной действительности, определяя тем самым все особенности мышления нашей эпохи, концентрирующего весь энтузиазм на национальной идее в уверенности, что именно в ней заключены все духовные и моральные ценности. При этом давно наметился разрыв между этическим идеальным и реальным поведением, духовностью, выражаемой в виде религиозных и других священных чувств, и прагматизмом социально-экономической жизни. Происходит своеобразная замена культуры. Если раньше культивировалось священнодействие, то теперь повиновение верховной государственной власти, обретшей национальные формы. «Современные массы, – полагает А. Швейцер, – требуют оградить национальные воззрения от влияния разума и нравственности, считая это самым верным средством не допустить профанации священных чувств» [6, с. 60]. И теперь национальная идея являет собою духовную силу, действующую по собственному произволу. С заменой культуры, одновременно изменилась и сущность национальной идеи относительно других, основанных на разуме этических идеалов, которым она до сих пор подчинялась. Надобность в этом отпала, так как сами эти идеалы оказались прагматичными.

Раньше, – считает А. Швейцер, – была просто культура, и каждый культурный народ стремился усваивать ее. Теперь же только инстинкты действительности, а не этические идеалы двигают ею. «Претензия на самобытность национальной культуры в том виде, в каком о ней заявляется в наше время, представляет собой болезненное явление, предопределенное тем, что культурные нормы утратили свою здоровую природу и руководствуются уже не инстинктом, а теориями» [6, с. 62–63].

Столь пристальное внимание к инстинктам, коллективному бессознательному, менталитету и культурным кодам свидетельствует о глубоком кризисе буржуазной рациональности и основанных на них идеалов либерализма и бюрократизма как идеалов современного знания и современного общества и предполагает поиск иных путей и социальных гарантий свободы самореализации личности и социальных сообществ. Сегодня явно недостаточно лишь выработки стратегии и тактики общественного развития и создания на этой основе стандартов образования, учебных планов и т. п. Требуется социология знания, позволяющая совершенствовать общественную жизнь, начиная с анализа ее проблем и поиска путей их разрешения не в виде борьбы

с пьянством, преступностью и другими негативными явлениями общественной жизни в форме организационных мероприятий, спускаемых сверху вниз, а в виде социальной инициативы снизу вверх,

начиная с семьи, поселений и регионов. На постсоветском пространстве эти поиски усиливаются еще и исторической памятью на этот счет.

Библиографические ссылки

1. Руткевич Е. Д. Феноменологическая социология знания. М. : Наука, 1993.
2. Вальерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб. : Университет. кн., 2001.
3. Вальерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / пер. с англ., под ред. В. И. Иноземцева. М. : Логос, 2004.
4. Палицин В. К вопросу о соотношении понятий «знания», «информация», «данные» // Наука и инновации. 2018. № 2 (180). С. 44–49.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995.
6. Швейцер А. Культура и этика. М. : Прогресс, 1973.

References

1. Rutkevich E. D. Fenomenologicheskaya sotsiologiya znaniia [Phenomenological sociology of knowledge]. Moscow : Nauka, 1993 (in Russ.).
2. Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem i situatsiia v sovremennom mire [Analysis of the world systems and situation in the modern world]. Saint Petersburg. : Univ. kn., 2001 (in Russ.).
3. Vallerstain I. Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka [The end of the world as we know it. Social science for the XXI century]. Moscow : Logos, 2004 (in Russ.).
4. Palitsin V. The question of correlation of the concepts of knowledge, information, data. *Sci & innov.* 2018. No. 2 (180). P. 44–49 (in Russ.).
5. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye real'nosti [Social construction of reality]. Moscow : Medium, 1995 (in Russ.).
6. Shveitser A. Kultura i etika [Culture and ethics]. Moscow : Progress, 1973 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 31.08.2017.
Received by editorial board 31.08.2017.